

разночтениям Кирилло-Белозерского списка с остальными и характеру отношения этих мест с текстом «Слова о полку Игореве».

В спорах о подлинности «Слова о полку Игореве», о времени создания памятника центральной остается проблема взаимоотношения «Слова» с «Задонщиной», чем и объясняется важность этой темы в дальнейшем изучении «Слова о полку Игореве».

На протяжении очень длительного времени и в работах, специально посвященных «Слову о полку Игореве», и в общих исследованиях по истории русского литературного процесса подчеркивалась необычность, исключительность «Слова о полку Игореве» на фоне всей древнерусской культуры. Объяснялось это традиционно восходящими еще к XIX в. представлениями о состоянии русской культуры в средние века. Здесь нет нужды подробно говорить о том, что на основании данных, полученных историками, археологами, историками культуры, историками литературы Древней Руси, наше представление о культурном развитии Руси XI—XVII вв. коренным образом изменилось: мы имеем все основания утверждать, что и в эстетическом, и в техническом отношении культура Древней Руси стояла на высоком уровне развития. Неверная точка зрения об одиночестве, оторванности «Слова» от окружающих его явлений культурной жизни Руси XII в. в целом ряде исследований специалистов была решительно пересмотрена, а «Слово» было поставлено в рамки тех литературных и культурных явлений, которые характерны для развития русской литературы, русского искусства той поры.⁶¹ Отличаясь высокими художественными достоинствами, «Слово» тесно связано в стилистическом отношении и отдельными жанровыми признаками с некоторыми произведениями XII—XIII вв.⁶² Однако до сих пор проявляется тенденция считать «Слово» чем-то совершенно необычным, возвышающимся на фоне всей древнерусской литературы и культуры, единственным литературным памятником Древней Руси. Совсем недавно эта точка зрения наиболее ярко проявилась в статье Л. И. Емельянова «К вопросу о фольклоризме древней русской литературы».⁶³ Критикуя ряд положений этой статьи Л. И. Емельянова, а также общую концепцию неверного отношения к культурному наследию прошлого, имеющую до сих пор некоторых сторонников, Д. С. Лихачев, в частности, отмечает, что «древнерусская литература действительно мало известна и далеко еще не оценена полностью с эстетической точки зрения... в целом эстетическая ценность литературы древней Руси ждет еще своих исследователей».⁶⁴ В свете всего сказанного становится совершенно очевидным, что одной из важнейших очередных задач древнерусского литера-

⁶¹ Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 320—351; Д. С. Лихачев. 1) Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М.—Л., 1950; см. также: издание 2-е, дополненное. М.—Л., 1955; 2) «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.—Л., 1961; 3) «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 300—320.

⁶² Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы, стр. 305—310.

⁶³ Русский фольклор. Материалы и исследования, т. VII. М.—Л., 1962, стр. 26—43.

⁶⁴ Д. С. Лихачев. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. — Вопросы литературы, 1963, № 3, стр. 106.